

**ВСЕЛЕННАЯ  
МЕТРО  
2033**

ПРОДОЛЖЕНИЕ САМОЙ ИЗВЕСТНОЙ КНИГИ НУЛЕВЫХ

# МЕТРО 2035

ХОЧЕШЬ ПРАВДУ?



**ВСЕЛЕННАЯ  
МЕТРО  
2033**

**ОЛЬГА ШВЕЦОВА**

**МЕТРО 2033:  
ДЕМОН-ХРАНИТЕЛЬ**



Издательство АСТ  
Москва

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Ш35

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи — *Дмитрий Глуховский*

Главный редактор проекта — *Вячеслав Бакулин*

Оформление обложки — *Вячеслав Люлько*

Карта — *Леонид Добкач*

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

**Швецова, Ольга Сергеевна.**

Ш35 Метро 2033. Демон-хранитель : [фантастический роман] / Ольга Швецова. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Вселенная Метро 2033).

ISBN 978-5-17-099201-0

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

В мире после Великой Катастрофы все реже встречаются ангелы, а вот в их антиподах нехватки нет. Найденный в подмосковном лесу чужак — тоже не исключение из правил. Он хитер, дерзок, жесток, бесстрашен и почти аморален. Он ни в грош не ставит человеческую жизнь и способен на все ради достижения своей цели. К тому же бывшему Привратнику Алексею Колмогорову нечего терять — он уже ступил в долину смертной тени и не боится зла. Впрочем, не потому ли, что он сам — зло? Но отчего тогда за спиной этого демона-хранителя становится спокойнее и исчезает страх?

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099201-0

© Д.А. Глуховский, 2017  
© О.С. Швецова, 2017  
© ООО «Издательство АСТ», 2017

## БЫТЬ ЭММОЙ БОВАРИ

### Объяснительная записка Вячеслава Бакулина

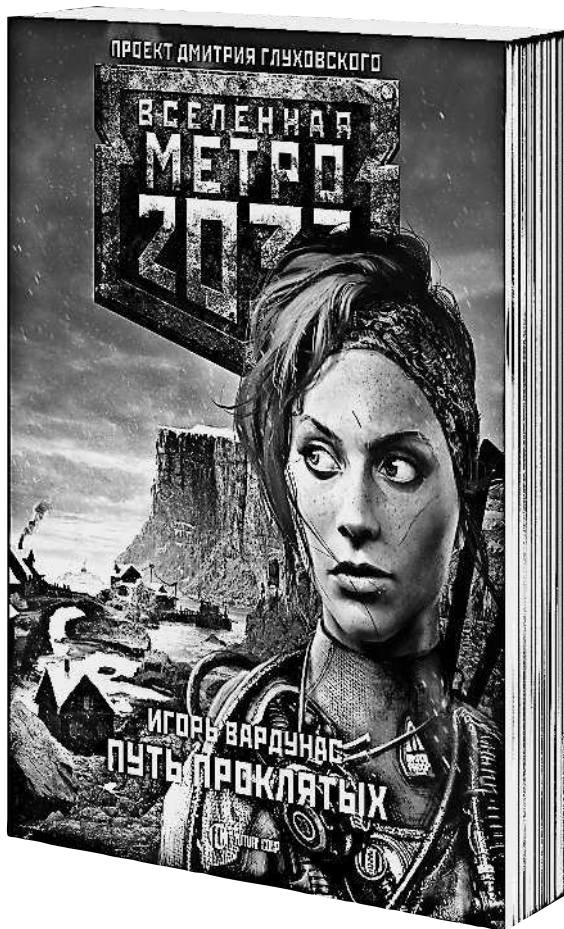
Есть некоторое количество фактов в нашей реальности, в которых я абсолютно уверен. Этаких вечных аксиом, делающих мой личный мир крепче самим фактом своей незабываемости, нерушимости, неизменности. Одна из них гласит: искусство всегда современно. Другими словами: человек всегда будет рассказывать другому человеку о том, что близко и понятно им обоим. Что они способны воспринять или интерпретировать, исходя из собственного жизненного опыта, образования, воспитания. И так будет всегда — какой бы год ни стоял на дворе, кто бы ни правил (и при помощи каких законов), какая бы мода ни была на еду, музыку и глубину декольте. Неважно, идет ли речь о песнях и спектаклях, скульптуре и картинах, танце и, разумеется, литературе. Даже если сюжет произведения требует перенестись на многие века назад или вперед, даже если в качестве героев выступают не совсем люди или — совсем не люди. В любой анималистической сказке или басне. В самой изощренной фантазии. В утопии и уж тем более антиутопии.

Шекспир, многие из произведений которого происходят на территории Италии, никогда там не был, а его Гамлет чуть больше, чем совсем, не похож на героя древнескандинавской хроники. Портрет Эзопа, вышедший из-под кисти Веласкеса, изображает кого угодно, кроме античного грека, пусть и раба. Рихард Вагнер, создавая величественные оперы «Кольцо Нибелунгов», очень удивился бы, услышь он реальные песнопения древних германцев и скандинавов. Профессор Толкин в жизни не видел ни единого хоббита, зато

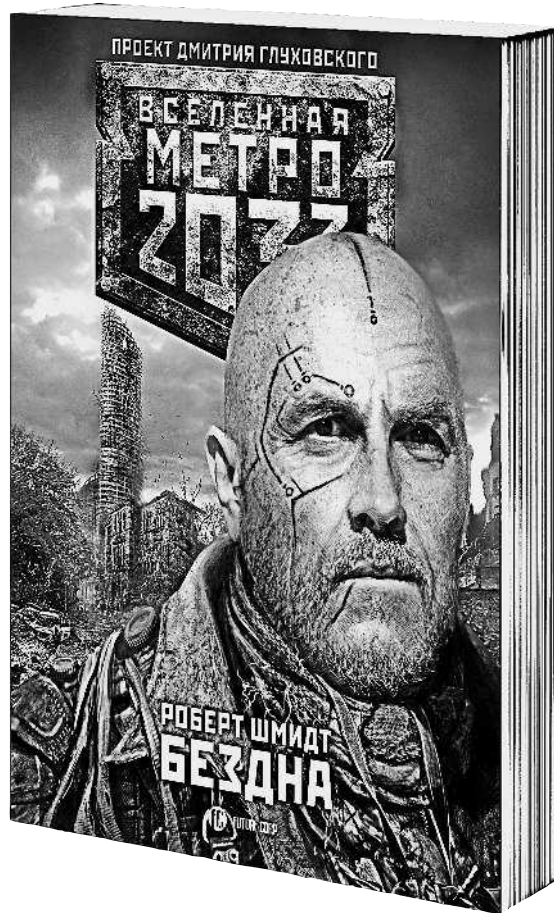
охотно сознавался в любви к простой сельской жизни, трубкам и вышитым жилетам. Братья Стругацкие, описывая в «Обитаемом острове» контакт продвинутого землянина двадцать второго века с обитателями отсталой планеты Саракш, говорили, прежде всего, о том, каким должен и не должен быть человек века двадцатого. Вы никогда не задумывались о том, что все эти — и любые другие — произведения получили статус культовых и вошли в историю в том числе и потому, что были понятны и близки современникам? А как этого добиться помимо того, что желательно для начала обладать каким-никаким талантом, не говоря уж про гениальность?

Филипу Дику приписывается фраза: «Писать нужно лишь о том, что знаешь лучше других, либо о том, о чем никто, кроме тебя, не знает». А ведь мало что мы так хорошо знаем, как самих себя. И мало о чем говорим с большей охотой, чем о себе, — напрямую, или опосредованно. О своем характере, своих вкусах, своих увлечениях. Своих страхах и психологических травмах. Своих мечтах. И книги об этом же пишем. А в них антагонистами своих героев делаем в первую очередь тех, с кем сами в обычной жизни не согласны, и в возлюбленные им крайне редко подбираем тех, с кем сами бы не ужились. И убивать протагонистов — пострадавших, вымученных, насквозь родных, — не любим, даже если нас зовут Дж.Р.Р. (любой из двух). Наиболее показателен тут опыт Флобера, который сперва заявил, что «Госпожа Бовари — это я!», а потом оную госпожу в тексте собственноручно накормил мышьяком, из-за чего сам же мучился вполне реально и наяву.

Так что когда любого автора любой книги — например, Ольгу Швецову — спросят в следующий раз, есть ли у его персонажей реальные прототипы, а автор начнет заламывать руки, опускать очи долу и прочими способами смущаться, бормоча про «собираемость», знайте: тут не обошлось без изрядного лукавства. Еще как есть. У всех и у каждого, причем — один и тот же. Хоть в малейшей степени. И у положительных, и у отрицательных, и у нейтральных. Скажу больше: с моей точки зрения, быть Эммой Бовари — единственный по-настоящему верный путь для человека, который хочет что-то создать. Неважно что. В конце концов, бытует мнение, что «Джоконда» — всего лишь автопортрет великого флорентийца.

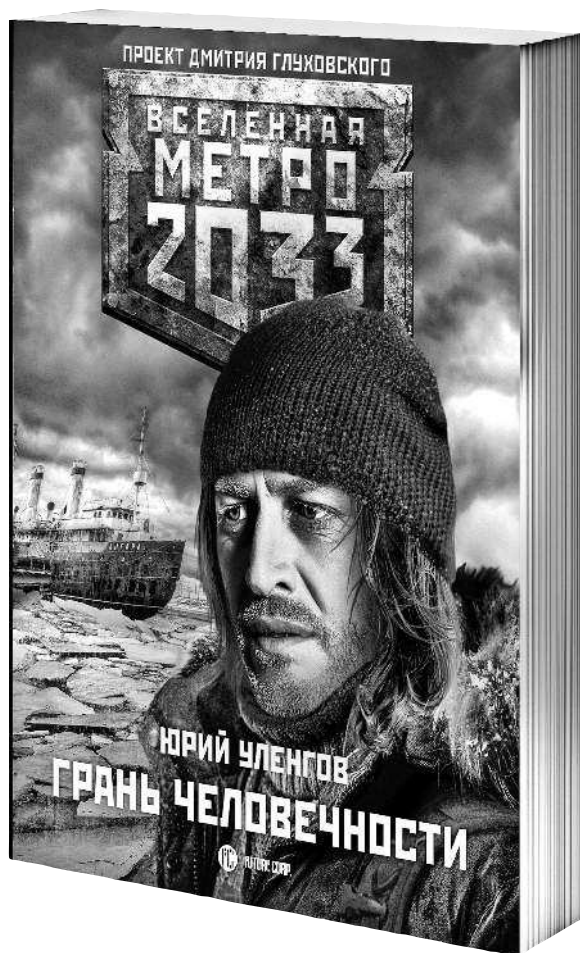


Многие надежды оказались разбиты, многие стремления были напрасны. Быстро меняющийся мир жесток к тем, кто когда-то самонадеянно считал себя его повелителями. Но где-то там, за горизонтом, остался родной дом, который посылает мольбы о помощи. А значит, Лерке Степановой и команде атомохода «Иван Грозный» пора отправляться в очередное плавание, полное новых открытий и опасностей. Ведь каждый путь, сколь бы долгим он ни был, однажды должен завершиться. Пусть даже кто-то назовет его путем проклятых.

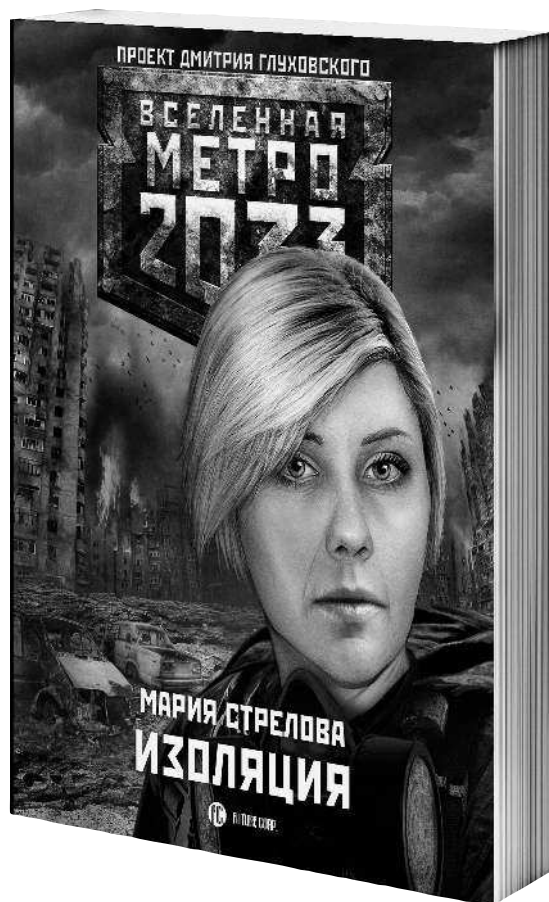


Имя, данное ему при рождении, он забыл. Имя, под которым он был известен когда-то, лучше не вспоминать. Ныне его знают как Учителя. В мире, где больше нет места любви, жалости, искренности — ничему человеческому, он старается жить по-людски. Читить справедливый кодекс анклава, воспитывать сына, заниматься с детьми в школе. Иногда приходят страшные воспоминания, но ненадолго. И все же наступает время, когда темное прошлое, которое он так хотел забыть и искупить, снова требует крови. И он бежит по грязным подземным тоннелям и зараженным улицам Вроцлава. Но разве от прошлого убежишь?..





Сквозь снег и мороз, через постыдную тайгу и безмолвные, пустующие города. По снегу и льду Байкала туда, куда влечет тебя собственное безумие. В Иркутск. Пройти по краю, постоянно балансируя на тонкой грани человечности. Переступить ее, когда нужно быть зверем, — чтобы победить тех, кто давно перестал быть людьми. Взять верх над природой, врагами и самим собой. Чтобы выжить. Чтобы спасти тех, в чьем существовании не уверен. Чтобы понять, осталось ли в тебе самом что-то от человека или зверь, проснувшийся семнадцать лет назад, — безраздельный хозяин твоего сознания.



Они не начинали эту войну. Они не были к ней готовы. Не бойцы, у которых за плечами служба в «горячих точках» или хотя бы армейская «срочка». Не выживальщики. Не ученые и даже не люди рабочих профессий. Всего лишь студенты-гуманитарии и несколько их преподавателей, чудом спасшиеся в день Катастрофы. Вчерашние дети, вполне безоблачное «вчера» которых в один момент обернулось страшным «сегодня» и совершенно непредсказуемым «завтра». И все же, они не сдались, даже оказавшись в полной изоляции. Только вот беда никогда не приходит одна: тайна, которую двадцать лет хранит заместитель начальника бункера Марина Алексеева, в любой момент может превратить кошмарный сон в реальность...

## ГЛАВА 1

### ЖИЗНЬ ЗАНОВО?

Разговор с «вождем», как до сих пор именовал его Алексей, состоялся уже давно, но в память врезалось каждое слово. Может быть, потому, что это были первые за долгое время слова, которыми он обменялся с живым человеком, а не с воображаемым собеседником? С собеседницей... Ни с кем больше не хотелось говорить даже мысленно.

Его выдал не выстрел — глушитель помогал не обнаруживать себя, — дым костра. Ветки из-под снега горели плохо, но есть сырое мясо казалось недостойным цивилизованного человека, все-таки, при своем довольно варварском внешнем облике, Алексей до подобного еще не опустился. Он затылком почувствовал угрозу, обернулся и увидел наконечник стрелы прямо перед собой. Как Станислав узнал его тогда в столь грязном и заросшем оборванце, до сих пор осталось загадкой. Видно, «вождь» обладал прекрасной зрительной памятью. Да, скорее всего, иначе в лесу не сориентироваться. Сам Алексей заблудился в нем мгновенно, но не беспокоился, потому что ему было все равно, куда идти.

— Я знаю тебя.

— А я тебя — нет.

- Ты один из них. Из бункера.
- Теперь нет. Но я могу стать одним из вас.
- Ты никогда не станешь одним из нас... Но ты можешь остаться с нами.

Он сразу догадался, кого встретил, только не знал и не помнил ни лица, ни имени. Подстреленного крола доедали уже вдвоем не торопясь, после чего Станислав подтвердил свое приглашение.

\* \* \*

Алексей смотрел снизу вверх на лопасти ветряка. Теперь хорошо бы установить и второй — немного подальше. И если сделать его нижнюю платформу вращающейся, эффективность будет больше. Тут, между деревьями, направление ветра более или менее однозначно, а там подальше, на воде, нужно уже что-то придумывать. И опоры ставить будет не так просто...

— Дядя Лёша, а я лампочку сам вкрутил!

Ваня ходил хвостиком за Алексеем. Жаль, с его отцом до примирения было очень далеко. Калина не простил смерти товарища, даже согласившись, что сам пристрелил бы любого, если б его жене что-то угрожало, если бы это его Даша стояла за спиной. Каким ни был Юрок-Талибан, он оставался здесь своим, даже если имя вычеркнуто из списков живых. И Семен не мог понять, почему Станислав и сам делал вид, что всё забыто, и других заставил своим правом вождя. Хотя сыну не запрещал новую забаву — дядю Лёшу. Сам Алексей предпочитал общество Ивушки, она напоминала о Лене... Найти подход к девчонкам проще простого, они с детства любят кокетничать, тут уж Алексей чувствовал себя вполне комфортно, быстро добился взаимной привязанности.

Часто вспоминали добрым словом Дениса, парень здесь вел себя тихо, к Алексею отнеслись более настороженно: он не так молод, чтобы пожалеть его за неопытность, к тому же принадлежал к числу врагов — пришел из бункера. И никого не

волновало, что он покинул его не по собственной воле и уже очень давно... Но не слишком чувствительный к таким вещам, как общественное мнение, Алексей просто жил своей жизнью, стараясь не пересекаться без необходимости с остальными. Достаточно было Бабки... Весь Совет в прежнем составе не сравнился бы с ней одной! Раньше лишь Станислав мог «помочь старым мозгам не протухать», теперь вечерние посиделки на троих вошли в привычку. «Вождь» владел риторическим навыком не хуже Привратника, это стало ясно Алексею с первой встречи, нельзя было забыть эту удивительную игру слов посреди заснеженного леса под прицелом стрелы на опасно натянутой тетиве. «Ты не станешь одним из нас. Но ты можешь остаться с нами». Он остался — идти все равно было некуда и незачем. Лишь честно предупредил о том, что не рассчитывает на долгую жизнь. Не пришлось растолковывать, что такое лейкоз, это слово слишком хорошо было известно Станиславу. Амалия Владимировна лишь поинтересовалась, уверен ли он в диагнозе, потому что не увидела явных симптомов. Врач Китай-города был опытным специалистом, хоть и назывался по-блатному «лепилой». От ошибок никто не застрахован... Но только время это покажет.

Алексей даже скучал иногда по своему одинокому существованию, он успел свыкнуться с холодом и снегом, боеприпасов ему хватило бы еще надолго. А деятельная натура требовала большего, чем просто поддержание жизни в теле. По ночам, отключаясь от действительности, зимней, черно-белой и скучной, не радующей происшествиями, он вспоминал Елену, думал, что рассказал бы ей, если бы встретил... Сознывая, что эта встреча никогда не состоится. Оказалось, что и вслух говорить еще не разучился. Амалия с удовольствием слушала его байки о жизни метрополитена и бункера, да и Стас не пренебрегал их обществом. Но Алексей все еще оставался чужаком для общины, тем, кто может навлечь неприятности на их голову. Формальная вежливость была соблюдена, и не более того.

Оружие пришлось сдать. Выходить за пределы островка Алексею запрещалось, люди не поверили до конца бывшему Привратнику. Он и не стремился никуда — дел хватало в двух шагах от дома. Проблемы доставляли лишь долгие объяснения, что именно принести для сборки ветряка. Но Станислав с Морозовым нашли именно то, что нужно. Теперь в доме почти не пахло дымом. Хорошо это или нет? Алексею казалось, что исчезла какая-то часть уюта. Но община радовалась, тем более что отопительная печь на дровах все равно никуда не делась, лишь перестали чадить по стенам доски с салом. Только на «лесоповал» и можно было изредка выйти из этого дома, а сама работа на вырубке и вооруженные сопровождающие сильно напоминали Алексею конвой и исправительно-трудовой лагерь. И Стас вместо «вождя» временно становился «гражданином начальником», весь почерпнутый в Треугольнике блатной жаргон сыпался на его голову. Остальные ничуть не возражали. Только сам Станислав прекращал веселье, если оно становилось слишком громким, заглушая звук пилы.

Если близко не попадалось упавших деревьев, то уходили далеко в лес к западу от поселка. Несмотря на мороз, распарившись от бесконечных ударов по кажущемуся вязким стволу березы, хотелось снять уже не только ОЗК, но и всё остальное. «Гражданин начальник» не давал замерзать и после того, как дерево было повалено: ствол очищали от ветвей и распиливали на части. Станислав взял на себя обязанности охраны, хищники мелькали где-то на краю зрения неуловимыми тенями и не приближались к четверым, матерящимся сквозь респираторы, явно сильным людям, не похожим на заблудившихся и растерявшихся путников. От бункера их отделяли километры молчаливого зимнего леса. Алексей давно подметил, что «вождь» выбирает дни, когда ветер относит звуки в другую сторону, но держал при себе наблюдения. Стало понятно, как за столько лет маленькое поселение оставалось невидимым и неслышимым для сталкеров. Кто-то научил Стаса этим премудростям. Другой лидер, когда-то передавший ему, уже повзрослевшему

и опытному, обязанность сберечь жизни людей? Сама жизнь? Или книги, которые осели в памяти Стаса во множестве, хоть сейчас никто не видел его перелистывающим страницы романов Фенимора Купера? Рубить доставленные к замерзшему болоту чурбаки на поленья приходилось уже Руслану. Десантник в помощи не нуждался и тут же выгнал из-под навеса Алексея, который решил посмотреть его «спортзал». Глухие размеренные удары колуна доносились сквозь стенку и крышу дома. А скачущий Привратник уже рисовал проект ветрогенератора...

Кузнец ворчал, что с приходом Алексея он потерял монопольные права. Но ворчал беззлобно, потому что в его епархию электрик не мог бы сунуться при всем желании. А вот с тонкой обработкой металла стало полегче. Электричества пока едва хватало на освещение и приготовление пищи, но можно было пойти дальше, установив не один ветряк. И вот тут уже понадобятся силы остальных. Первый экспериментальный «пропеллер» делали втроем: сам Алексей, Стас и Геннадий. Да Ваню можно посчитать за «половину землекопа».

Он также мыл полы и помогал на кухне, отметив для себя, что в женском обществе находиться очень приятно и всегда можно рассчитывать на добавку к обеду. Некоторые еще пытались, посмеиваясь, упрекнуть за отсутствие навыков, что мужику положены. Но после установки ветрогенератора эти разговоры прекратились, да и Станислав не уставал напоминать, что Алексея из дома не выпустит. Он и в доме не лишний. Лишним не был никто.

\* \* \*

Ближе к концу зимы Алексею пришлось убедиться, что жизнь в лесу не так уж нетороплива и тяготна. Поднятый вдруг по боевой тревоге под утро, он долго не мог понять, почему женщины заперлись в дальней комнате, а мужчины с внезапно появившимся из ниоткуда огнестрельным оружием в руках собрались у выхода. Станислав на вопрос, что делать, коротко отве-